

УДК 94 (470.66)

DOI: 10.35330/1991-6639-2020-6-98-217-223

СТАНОВЛЕНИЕ ХАДЖРЕТСКОГО ПАЛЛАДИУМА: МАРГЪУЩЕЙ («МАРГУШЕВСКИЙ АУЛ») В 1804–1819 ГГ.

Т.Х. АЛОЕВ

Институт гуманитарных исследований –
филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: kbigi@mail.ru

В центре внимания работы оказываются предпосылки и обстоятельства появления в начале XIX в. на левобережье Кубани кабардинского села Маргъущей («Маргушевской деревни»). Это событие рассматривается в контексте развернувшегося в данный период хаджретского движения в Кабарде. С самого начала своей локализации на западе княжества этот населенный пункт занял особое место в регионе. В отличие от вотчин других аристократических родов население Маргъущей оставалось непреклонным в своем выборе и не проявляло миграционной лабильности, сопряженной с возвращением в район исхода. Более того, за несколько лет своего присутствия в Восточном Закубанье село стало выполнять роль устойчивого связующего звена между западом и востоком Черкесии. В течение второго десятилетия оно стало средоточием активности части кабардинской элиты, живо реагировавшей на нарастающее давление со стороны российского военного командования.

Ключевые слова: «Маргушевский аул», диженуго, Закубанье, Кабарда, черкесы, миграция, военные действия, хаджретское движение, инфраструктура резистентности.

Изучение феномена хаджретского движения в Черкесии первой половины XIX в. на данном этапе не достигло уровня всестороннего, объемного концептуального осмысления. Данное положение частично объясняется масштабностью и продолжительностью процессов, связанных с миграционной активностью кабардинцев в ходе Кавказской войны и неординарную ролью сформировавшегося на левобережье Кубани массива хаджретского населения в регионе. Однако в не меньшей степени подобное положение обусловлено и отсутствием фокусированных на выявление сущностных черт данного феномена подходов в трудах как дореволюционного, так и советского периодов. Этими обстоятельствами определяется необходимость планомерных исследовательских усилий, направленных на выяснение конкретных механизмов и форм реализации хаджретской Альтернативы в условиях пертурбаций Кавказской войны. В этом плане попытка анализа событийной канвы, связанной с хаджретским присутствием в Закубанье, сквозь призму историко-локальной и хорографической оптики представляется актуальной и эвристически перспективной. Предпосылки и обстоятельства возникновения аула Маргъущей в ходе первого этапа переселенческого движения кабардинцев в Закубанье и позиция этого населенного пункта в системе взаимоотношений военно-политических акторов региона вплоть до начала масштабной эвакуации из центра Кабарды после 1821 г. в такой перспективе представляют несомненный интерес.

Приступая к реализации широкомасштабной программы непрерывных и комбинированных акций, направленных на окончательное утверждение российской власти в центре Кабарды, генерал Ермолов уделял приоритетное внимание нейтрализации враждебных импульсов из-за Кубани. Они рассматривались им как один из ключевых факторов, определявших военную мощь противника [3, с. 281]. При этом в конкретных обстоятельствах

осени-зимы 1821–1822 гг. речь шла не столько о возможности вовлечения значимой части демографического ресурса кяхских политий кубанского левобережья в кабардинскую кампанию, сколько об опасности, исходившей от инфраструктуры резистентности, сформировавшейся в ходе первого этапа хаджретского движения в начале столетия. Специфика конфигурации военно-политических акторов, сложившейся к этому периоду в Восточном Закубанье, была такова, что узловым элементом, обеспечивавшим необходимые параметры сопротивляемости внешнему воздействию, предстает село кабардинских дженуго Маргуш. Поэтому неудивительно, что один из первых ударов в ходе разворачивавшегося ермоловского натиска был предназначен именно ему.

Ввиду максимальной контекстуализации роли и значения обозначенного населенного пункта в изложенных исторических обстоятельствах представляется целесообразной попытка выяснения позиции дворянского рода Маргуш (черк. Маргъуш) в политической системе координат Большой Кабарды. Уже первое упоминание имени этого рода обнаруживает его вовлеченность в наиболее значимые для княжества инициативы правящей элиты. Так, Маргуш Исмаил [4, с. 192] фигурирует в письме князей и уорков Баксанской партии от 24 октября 1753 г. в числе учредителей «суда» – де-факто комиссии по мирному урегулированию противоречий с Кашкатауской группировкой. Спустя неделю он отметил уже в «регистре» присягавших, приложенном к присяжным листам 31 октября 1753 г., формализовавшим новую внутривосточную реальность в восточночеркеском княжестве [6, с. 248]. Пунктирно прочерчивая линию активности представителей этого рода, уместно указать на их участие в организации мероприятий по восстановлению действенного суверенитета Большой Кабарды над ее западными территориями на левобережье Кубани в 1787 г. [1, с. 221]. Это явствует из фигурирования имен Маргуш Чаруан («Кириян Маргаш») и Маргуш Жалган («Джайлган Маргош») среди авторов документа, составленного по итогам соответствующей военно-политической акции. Спустя шесть лет последний («Елган Маргушев») наряду с двумя своими сородичами – Маргуш Хатокшуко и Маргуш Мисостом – в числе «узденей первой степени» числились среди фигурантов мероприятий по выборам в «родовые суды и расправы» в княжестве [8, с. 11]. Неизменная вовлеченность представителей клана во все значимые для судеб княжества процессы и их устойчивая востребованность при решении социально значимых в масштабах Кабарды проблем наводят на размышления об имевшемся наряду со статусом дыжьыныгъуэ символическом ресурсе у этого аристократического рода. В этом плане примечательно одно сообщение, относящееся к началу XIX в. В нем говорится о том, что «есть и ныне княжеские фамилии, кои бывали на одном счету, обращены ими (князьями, потомками Пшеапшоко Кази. – Т.А.) же силою оружия в уздени, а именно: Тахтомышевы, Маргушевы...» [5, с. 69]. На данном этапе сложно выяснить, насколько такое представление двухсотлетней давности соотносилось с генеалогическими реалиями черкесских княжеских родов. В рамках настоящей инициативы такая задача и не ставится. Важной же представляется артикуляция особого места, занятого представителями клана в ходе очередной эскалации российско-черкесского противостояния в 1804 г. и разворачивавшегося хаджретского движения.

О том, как оно проходило и каким образом уорки Маргуш были вовлечены в данный процесс, можно судить по не единожды востребованному в исторических штудиях документу, датированному июнем 1805 г. Тогда т.н. пристав Кабарды генерал Дельпоццо, проинспектировав зону военного соприкосновения с черкесами в районе Верхней Кубани, выяснял положение мигрантов, вовлеченных в переселенческое движение предыдущего года. В своем докладе он сообщал: «В проезд мой на Кубань, в возвратном пути в Воронсколесской станции призывал я живущаго у вершин речки [Кумы] Кабардинскаго почет-

наго узденя Могукова (Махоко. – Т.А.) и что от онаго по распросу моему, сколько в нынешнее лето вышло из за Кубани уведенных в прошлом году бунтовщиком, бывшим полк. [овником] Рослам-беком Мисостовым (Мисост Асланбек. – Т.А.), Кабардинских узденей с их подданными узнал, о том в нижеследующих статьях в.с. имею честь объяснить 1.-е, Уздени Хаундоковы (Хагундоко. – Т.А.) с 60 семей поселились у узденя Могукова по вершине Кумы; оных же еще осталось за Кубанью 40 семей.

2.-е, Узденей Агубековых (Агубек. – Т.А.) вышло из-за Кубани 8 семей и находятся у вышеписанного узденя Могукова, а 12 семей, вышедших по сю сторону Кубани, Росламбек Мисостов остановил в вершинах Кумы, чтоб поселить их на р. Эшахоне (Эшкакон. – Т.А.), принадлежащей владению Кабардинцам же, а за то что оные хотели к Агубеку поселиться, за штраф взял 12 мальчиков.

3.-е, Принадлежащие Адиль-Гирея Атажукова (Хатокшоко. – Т.А.) сыновьям уздени Цымповы вышли с 25 семьями и поселились в прежнем месте, в Жантемировцах.

4.-е, Принадлежащие владению Росламбека Мисостова уздени Шерметовы перешли на прежнее место к Жантемировцам со всем скотом 10 хозяев пахать и хлеб сеять, а семейства их остались еще за Кубанью. – Остались за Кубанью и неизвестно будут ли переходить на нашу сторону по причине, что начали там пахать и строиться.

1-е, Уздени Маргушевы со всеми своими подвластными более 100 дворов, на большом Зеленчуке (выделено нами. – Т.А.).

2-е, Принадлежащие Рослам-беку Мисостову уздени Мазлов и Кляншев с 20 дворами, там же. Всех в прошлом году бежавших за Кубанью считается 275 семей; из оных вышедших на нашу сторону 115, а еще осталось за Кубанью 160» [2, с. 969].

Симптоматично, что как численностью, так и демонстрируемой непреклонностью в стремлении оставаться на новом месте жительства «маргушевцы» явно выделялись на фоне остальных мигрантов. Если к этому добавить, что мнение российского командования о том, что большинство выселившихся за Кубань «жительство свое имели впереди Кисловодской крепости» и среди них «почти нет никого изнутри Кабарды», вероятнее всего, не относится к этой части переселенцев, складывается образ коллектива, особо приверженного этосу хаджретского подвижничества. В этой связи уместно небольшое отступление относительно вопроса места исхода жителей Маргъушей, что в свою очередь позволит выдвинуть более фундированные суждения о возможной изначальной стратегии «маргушевцев». Как известно, на черекском правом берегу в Кабарде протекает река Маргуш, однако мы не располагаем информацией о наличии какой-либо связи между этим гидронимом и родовым именем дворянского клана. Пока уверенно можно апеллировать лишь к сведениям «о землях Большой Кабарды», «собранным по народным показаниям» полковником Петрусевицем в 1846 г. Согласно этому документу владение рода Маргуш располагалось «против бывшего Ахметова аула по речке Мышоко» (правый приток Баксана в районе современного села Заюково) [9, с. 76]. Принимая во внимание данное соображение, миграционный выбор клана Маргуш все менее предстает в качестве спонтанного решения, продиктованного только тяготами и опасностями военных действий. Напротив, он воспринимается не как следствие ситуационного ответа на экстремальный вызов, а как сознательный акт в весьма турбулентных условиях 1804 г.

В этом плане источники «предсказуемо» позволяют с высокой степенью уверенности говорить о том, что со времени миграции жителей диженугского села случаев их возвратного переселения в центр Кабарды не было. Об этом можно судить на основании следующих соображений. В документе, датированном декабрем 1821 г., отмечается, что один из кабардинских князей «живет 8-й год в Маргушевой деревне» [10, с. 30]. Из контекста дан-

ного сообщения определенно не следует, что упоминаемый в нем населенный пункт не существовал до этого. Более того, акт поселения князя в «вотчине» знатного дворянина из другого феодального удела (а в данном случае так и было) нельзя трактовать иначе как его водворение в уже укоренившееся и устойчиво маркируемое на данной территории село. Следовательно, к 1813 г. Маргъущей стабильно фиксировался в перечне населенных пунктов Восточного Закубанья. Такое заключение согласуется с контекстом военно-политического положения, наблюдавшегося в регионе в данный период. Определенное понимание его специфики можно составить при обращении к «Ведомости о хищничестве в кордоне нашему случившихся со времени, когда закубанцы беспокоивали границы линии», составленной в январе 1814 г. В ней упоминается о 40 нападениях на Линию со стороны кабардинцев, абазин и ногайцев. Инициаторы семнадцати из этих рейдов остались не выявленными. Из содержания документа также явствует, что «кабардинские» нападения на россиян производились из двух относительно отграниченных друг от друга ареалов: первый – это неподконтрольные российскому командованию территории центра Кабарды и второй – западные районы ведущего черкесского княжества в Восточном Закубанье. В случаях, когда удары производились с левобережья Кубани, их инициаторы обозначались как «закубанские абазинцы и кабардинские абреки» [11, оп. 13, ед. хр. 13, л. 22.]. Памятуя о том, что источники изобилуют свидетельствами того, что «кабардинскими абреками» в российском военно-колониальном обиходе именовались именно военные «пилигримы» восточночеркесского княжества, можно заключить, что к этому времени хаджреты предстают как неотъемлемый элемент структуры этнополитического взаимодействия закубанской Черкесии. Без собственной поселенческой инфраструктуры достижение устойчивой позиции данного коллектива было практически невозможно. Если не единственным, то по крайней мере центральным ее элементом, по-видимому, и был Маргъущей. Во всяком случае село урков Маргуш на протяжении всего второго десятилетия XIX в. предстает как привлекательное место для многих представителей высшей кабардинской аристократии. В 1813 г. там осел князь Адилгеруюко Магомет из клана Бекмурза [10, с. 30]. В 1817 г. «Маргушевская деревня» «приютила» аттестованного как человека «из числа возмутителей из-за Кубани» родного брата влиятельного князя Бесплавноко Асланбека – Джамбота («Дамбат») [10, с. 26]. Тогда же это село избрал для жительства легендарный воитель Ажджеруюко Кушук [10, с. 24]. На следующий год там же осел князь Казиюко Карачай [10, с. 23]. Последний, судя по документам, был также упорным противником российского присутствия в стране. «Числясь» в «Маргушевом ауле» он принимал участие в акциях, географически отдаленных от него. Так, 18 апреля 1821 г. Казиюко Карачай участвовал в нападении на Александровский редут. В ходе акции были убиты два казака, один солдат и отогнано 39 лошадей [11, оп. 13, ед. хр. 15. лл. 35-43]. Беспрецедентная концентрация беспокойного с точки зрения российского командования элемента, да еще княжеского ранга, разумеется, говорит об экстраординарной роли Маргъущей в разворачивавшихся тогда процессах. Вместе с тем данное село, несмотря на жительство в нем стольких князей, не переставало оставаться вотчиной клана Маргуш. Действия членов рода наглядно подтверждают это. В середине 1840-х гг. семья пребывавшего в это время в Кемиргоевском княжестве кабардинского тлекотлеша Кундет Девлетгирея заявила о своих правах на часть имущества своих сородичей в центре Кабарды. Мать последнего, снабдив письменной «доверенностью», отправила сына на переговоры с начальником Центра Линии в Нальчик. В документе сообщалось: «Я, Гавва, дочь

Мургуса, посылаю сына своего Давлет Герее... на получение имущества моего» [7, с. 208]. В контексте поставленных здесь задач интерес представляет отзыв на данную инициативу со стороны российской военной администрации. В нем, в частности, отмечается, «что мать Давлет Герее Куденетова, Хавва, с сыном своим, настоящим просителем, еще до возмущения в Кабарде (т.е. 1822 г. – Т.А.) уехала за Кубань к своим родным Маргушевым; по сделавшемуся же возмущению, когда многие кабардинцы бежали за Кубань, Куденетова не возвратилась в Кабарду, а переехала на жительство к непокорным закубанцам...» [7, с. 209]. Думается, можно не подчеркивать, что данное лаконичное сообщение красноречиво подтверждает, что задолго до ермоловского наступления 1822 г. «Маргушевский аул» обрел облик устойчивого и опознаваемого кабардинского поселения в западной части восточночеркесского княжества.

Рассмотрение предпосылок и обстоятельств появления Маргъушей в Восточном Закубанье и дальнейшей динамики становления этого населенного пункта в качестве неотъемлемой части поселенческого ландшафта в субрегионе приводит к ряду выводов. Прежде всего следует указать на особый символический ресурс, имевшийся у знатного дворянского рода Маргуш, как фактор, обусловивший специфическую траекторию появления его вотчины (и последовавшей стабилизации) на кубанском левобережье. Примечательно, что данный миграционный акт не совпал с первым переселенческим предприятием хаджретов во главе с *тцы* Хатокшоко Адильгиреем в 1799 г. И хотя переселение, последовавшее в 1804 г., хронологически совпало с появлением за Кубанью ряда кабардинских аулов, жители «Маргушевской деревни» в отличие от них покинули не подвергавшийся воздействию новой российской крепости район. К тому же продвижение «маргушевцев» к новому месту жительства ввиду необходимости преодоления большего расстояния (в условиях горно-пересеченной местности) естественным образом было сопряжено с необходимостью преодоления больших препятствий. И самое показательное: появившись за Кубанью, «Маргушевская деревня» в отличие от многих других сел не проявляла склонности к обратному переселению. Можно полагать, что подобная устойчивость в значительной мере была обусловлена степенью осознанности, с каковой ее обитатели избрали хаджретскую альтернативу. Не в последнюю очередь эти обстоятельства способствовали тому, что на протяжении следующих полутора десятков лет Маргъушей стал важной точкой концентрации наиболее «пассионарной» части кабардинской аристократии и ключевым звеном в системе устойчивой коммуникации разных областей Черкесии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаза на Северном Кавказе (исследования и источники). 1648–2020. БЛИКИ. Вып. 13 / Составитель Кармов Р.К. Нальчик: Принт-центр, 2020. 409 с.
2. Акты Кавказской археографической комиссии. Т. II. Тифлис: Типография главного управления Наместника кавказского, 1868. 1238 с.
3. Ермолов А.П. Кавказские письма. 1816 – 1860 // Журнал «Звезда». СПб., 2014. 832 с.
4. Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. Т. II. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 424 с.
5. Кабардино-русские отношения в исторических материалах. БЛИКИ. Вып. 11 / Составитель Кармов Р.К. Нальчик: Принт-центр, 2019. 184 с.
6. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в. Нальчик, 1994. 440 с.

7. Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. / Составитель Гарданов Б.А. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. 427 с.
8. Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793–1897 гг. Т. II. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 484 с.
9. Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX веков. Нальчик: Нарт, 1992. 271 с.
10. Трансформация общественно-политического устройства народов Центрального и Западного Кавказа в источниках. 1732–1892 гг. БЛИКИ. Вып. 6 / Составитель Кармов Р.К. Нальчик: Принт-центр, 2017. 195 с.
11. Центральный Государственный архив Кабардино-Балкарской Республики. Ф. Р. – 1209 «Особо ценных материалов».

REFERENCES

1. *Abaza na Severnom Kavkaze (issledovaniya i istochniki). 1648–2020* [Abaza in the North Caucasus (research and sources). 1648–2020.] BЛИКИ. Issue 13 / Compiled by Karmov R.K. Nalchik: Print Center, 2020. 409 p.
2. *Akty Kavkazskoy arkheograficheskoy komissii* [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. V. II. Tiflis: Printing house of the head office of the Governor of the Caucasus, 1868. 1238 p.
3. Yermolov A.P. *Kavkazskiy pis'ma. 1816–1860* [Caucasian letters. 1816–1860] // “Zvezda” magazine. St. Petersburg, 2014. 832 p.
4. *Kabardino-russkiye otnosheniya v XVI – XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-kh tomakh* [Kabardino-Russian relations in the XVI - XVIII centuries. Documents and materials in 2 volumes]. V. II. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1957. 424 p.
5. *Kabardino-russkiye otnosheniya v istoricheskikh materialakh* [Kabardino-Russian relations in historical materials]. BЛИКИ. Issue 11 // Compiled by Karmov R.K. Nalchik: Print Center, 2019. 184 p.
6. Kazharov V.Kh. *Traditsionnyye obshchestvennyye instituty kabardintsev i ikh krizis v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v.* [Traditional social institutions of Kabardins and their crisis at the end of the 18th - first half of the 19th century]. Nalchik, 1994. 440 p.
7. *Materialy po obychnomu pravu kabardintsev. Pervaya polovina XIX v.* [Materials on the customary law of the Kabardins. First half of the 19th century] / Compiled by Gardanov B.A. Nalchik: Kabardin Book publishing house, 1956. 427 p.
8. *Sbornik dokumentov po soslovnomu pravu narodov Severnogo Kavkaza. 1793–1897 gg.* [Collection of documents on the estate law of the peoples of the North Caucasus. 1793 – 1897]. T. II. Nalchik: El-Fa, 2003. 484 p.
9. *Territoriya i rasseleniye kabardintsev i balkartsev v XVIII – nachale XX vekov* [Territory and settlement of Kabardins and Balkars in the XVIII - early XX centuries]. Nalchik: Nart, 1992. 271 p.
10. *Transformatsiya obshchestvenno-politicheskogo ustroystva narodov Tsentral'nogo i Zapadnogo Kavkaza v istochnikakh. 1732 – 1892 gg.* [Transformation of the socio-political structure of the peoples of the Central and Western Caucasus in the sources. 1732 – 1892]. BЛИКИ. Issue 6 / Compiled by Karmov R.K. Nalchik: Print Center, 2017. 195 p.
11. *Tsentral'nyy Gosudarstvennyy arkhiv Kabardino-Balkarskoy Respubliki* [Central State Archives of the Kabardino-Balkarian Republic]. F. R. - 1209 «Especially valuable materials».

BECOMING OF THE HAJRETIAN PALLADIUM: MARGUSHEI ("MARGUSHEVSKY AUL") IN 1804-1819

T.H. ALOEV

Institute for the Humanitarian Researches –
branch of the FSBSE «Federal Scientific Center
«Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18
E-mail: kbigi@mail.ru

The work focuses on the preconditions and circumstances of the appearance in the early 19th century of the Kabardin village of Margushei ("Margushevskaya village") on the left bank of the Kuban. This event is viewed in the context of the Hajret movement in Kabarda that unfolded in this period. From the very beginning of its localization in the west of the principality, this settlement took a special place in the region. In contrast to the estates of other aristocratic clans, the population of Margushei did not demonstrate migration instability associated with a return to the area of exodus. Moreover, for several years of its presence in the Eastern Trans-Kuban region, the village began to play the role of a stable link between the West and East of Circassia. During the second decade, it became the focus of the activity of a part of the Kabardin elite, which vividly reacted to the growing pressure from the Russian military command.

Keywords: «Margushevsky aul», dizhenugo, Trans-Kuban region, Kabarda, Circassians, migration, hostilities, Hajret movement, infrastructure of resistance.

Работа поступила 06.11.2020 г.

Сведения об авторе:

Алоев Тимур Хазраилович, к.и.н., с.н.с. сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра РАН.
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.
E-mail: kbigi@mail.ru

Information about the author:

Aloev Timur Hazrailovich, Candidate of Historical Sciences, Senior researcher at sector of medieval and new history of the Institute for the Humanitarian Researches – Branch of the Federal State Budgetary Scientific Establishment "Federal Scientific Center "Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences".
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18.
E-mail: kbigi@mail.ru